

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ КНИГИ ДРЕВНЕЙ РУСИ (XI – XIV ВВ.)

Статья посвящена исследованию истории древнерусской рукописной книги XI – XIV вв. В ней затрагиваются разные аспекты происхождения, бытования и последующей архивной и библиотечной судьбы как отдельных рукописных книг, так и их комплексов, связанных с функционированием древнерусских скрипториев. Затрагивается проблема социального состава писцов и заказчиков кодексов. Изучаются некоторые спорные вопросы книгопроизводства в Древней Руси.

Ключевые слова: Древнерусская рукописная книга, история, кодикология.
Об авторе: Столярова Любовь Викторовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН. 119334 г. Москва, Ленинский пр., 32-А, ИВИ РАН. lvsto@mail.ru

Мощный подъем культуры, связанный с христианизацией Руси, вызвал к жизни широкое распространение письменности и книжного дела, развития которых требовали нужды православного богослужения. Сенсационная находка в Новгороде навощенного триптиха с древнерусским текстом Псалтири (заключительные псалмы 10-й кафизмы – 75-го и 76-го псалмов), внесла существенные коррективы в историю книги Древней Руси. Триптих датировался началом 990-х – концом 1010-х годов¹, и, на первый взгляд, не содержал данных о его изготовлении. Однако обнаруженные на бортиках и под воском дощечек плохо читаемые записи и отпечатки текста на донцах церы позволили датировать Новгородскую псалтирь временем ок. 6507 (999) г. (т.е. первым десятилетием после крещения Руси). Среди «скрытых» текстов триптиха имеется запись с датой: «В лето 6507 азъ, мнихъ Исаакїи, поставленъ бысть попомъ въ Соуждали въ црькве святого Александра Арменина». По мнению А.А. Зализняка, судить о том, тождествен ли суздальский поп писцу Новгородской псалтири, пока вряд ли возможно. Однако

¹ Зализняк А.А., Янин В.Л. 2001. 153-164.

упоминание в записи Суздаля напрямую связывает изготовление кодекса с событиями, происходившими на Руси, «и исключает версию, по которой кодекс был списан в Болгарии находившимся там восточнославянским книжником и просто привезен на Русь»².

Первое упоминание о книгописании на Руси относится ко второй четверти XI в. Под 6545 (1037) г. ПВЛ сообщает об организации Ярославом Мудрым при киевском Софийском соборе работ по переводу богослужебных книг с греческого на славянский язык и их переписке: “...собра писъце многы и прекладаше от грекъ на словенское письмо, и списаша книги многы”³. Как реализовывались нужды древнерусских церковных книгохранилищ с момента принятия христианства и до 1037 г., в целом неясно. Не исключено, что в упомянутый период для богослужения наряду с рукописями, изготовленными на Руси, использовались привозные югославянские кодексы. Вероятно, под 1037 г. летописец зафиксировал первый опыт организации массовых книгописных работ на территории Древней Руси. Кто были “писцы”, собранные Ярославом Мудрым, неизвестно. Е.Ф. Карский допускал, что ими могли быть “...югославыне, но могли быть и русские”⁴. Ни одна из рукописных книг, датированных 1037 г., не сохранилась. Самый ранний из точно датированных пергаменных кодексов – Остромирово евангелие – был переписан дьяконом Григорием в 1056 – 1057 гг. для новгородского посадника Остромира-Иосифа.

Основную массу книжной продукции, бытовавшей на Руси в XI – XII вв., составляют написанные на пергамене кодексы литургического характера (главным образом Евангелия). От X – XI в. дошли и некоторые доку-

² Зализняк А.А. 2004. 176-178.

³ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись, вып. 1: Повесть временных лет. Стб. 152; см. также: Повесть временных лет. 1950. 302.

⁴ Карский Е.Ф. 1979. 260.

менты эпистолярного вида – берестяные грамоты и надписи-граффити. Возможно, в XI в. началось и русское летописание. По более поздним источникам А.А. Шахматов реконструировал текст Начального свода 1095 г. и высказал предположение о существовании Киевского свода 1039 г. и Новгородского свода 1050 г. Но даже от XII в. не дошло рукописей летописных памятников. Древнейший пергаменный список Новгородской I летописи датируют концом XIII – XIV вв.

Из законодательных источников к XI в. можно гипотетически отнести Русскую Правду. Ее наиболее ранний пергаменный список относится к концу XIII в. А.А. Зимин считал, что так называемая Правда Ярослава возникла в Новгороде в 1016 г. Может быть, какие-то первоначальные тексты церковных уставов Владимира I и Ярослава Мудрого были созданы при жизни этих князей, однако до нас дошли более поздние списки церковных уставов, вероятно, отражающие и более поздние их редакции (самый ранний список Устава Владимира – конца XIII в., Устава Ярослава – XV в.).

От XI в. не сохранилось ни одной древнерусской пергаменной грамоты. Первой подлинной русской грамотой на пергамене считается грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю, относимая в литературе к 1130 г.⁵ Правда, В.Л. Янин высказал некоторые сомнения в ее подлинности, предположив, что она могла быть более поздней копией: сохранившаяся при ней (но отдельно от грамоты) печать принадлежит не князю Мстиславу Владимировичу, а одному из князей XIII в. Таким образом, само состояние источниковой базы делает вопрос о том, какие организационные формы принимало древнерусское книгописание и письмо грамот в древнейший период русской истории, весьма туманным.

Важнейшим источником по истории книги средневековой Руси являются сами кодексы. Материальная

⁵ См.: *Каштанов С.М.* 1999. 21-45.

сторона производства книг в Древней Руси отчасти реконструируется в результате исследования принципов формирования и складывания пергаменного листа, характера разлиновки и нанесения ограничительных линий, способов изъятия дефектных листов из тетрадей, почерков писцов и особенностей расположения текста на листе сохранившихся рукописей. Особое значение в изучении организации книгопроизводства на Руси приобретает анализ записей писцов, синхронных основному тексту кодексов, а также памятников иконографии (в первую очередь, миниатюр с изображением пишущих «авторов» – библейского царя Давида и евангелистов).

В развитии древнерусской книги до появления книгопечатания можно выделить два периода: церковный (X – конец XIV в.) и церковно-монастырский (начало XV – вторая половина XVI в.). Первый период характеризуется абсолютным преобладанием пергаменных кодексов и сосредоточением книгописания в соборах, ктиторских монастырях и церквах. Этот период вплоть до конца XIV в. (а именно до утверждения на Руси общежительного монастырского устава) связан с развитием книжного дела в городских монастырях и церквах. Второй период характеризуется переменами как в использовании материала для письма (распространение бумаги), так и в организации книгописания (появление с первой половины XV, а особенно в начале XVI в. скрипториев в крупных пригородных монастырях-землевладельцах). Обмирщение русской культуры в XVI в. сказалось на особенностях книгописания, но не изменило его основ: духовные корпорации по-прежнему оставались центрами производства и хранения книг. «Светские» скриптории конца XVI – XVII вв. (Посольского приказа, Оружейной палаты и др.) существовали наряду с церковными и монастырскими. Крупнейшие скриптории XVI в. (Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Николо-Корельского, Соловецкого и др. монастырей) наряду с традиционными литургическими книгами производили

сборники светского содержания, обеспечивая потребности общества в четьей литературе⁶. Здесь же переписывались памятники канонического права, сочинения отцов церкви, произведения агиографии.

1. Заказчики книг

В Древней Руси XI – XIV вв. книги изготовлялись по заказу («повелением», «стяжанием», «благословением») светского или духовного лица, как правило, жаловавшего средства на богоугодное дело переписки богослужебного кодекса, предназначенного для последующего церковного вклада. Источники XI – XIV вв. сохранили немного сведений об организации книгописных работ на средства «стяжателей» и о самих заказчиках книг. В записях писцов этого времени отмечено 94 случая изготовления пергаменных рукописей на заказ. Это ничтожно малое число по сравнению с общим количеством сохранившихся кодексов XI – XIV вв. (более 800⁷). Однако вне зависимости от сохранности книжного фонда Руси каждая рукопись (равно как и запись о ее изготовлении) была продуктом вполне определенных обстоятельств, нуждающихся в исследовании. Реконструкция мотивов изготовления кодексов основана на сообщениях о книжных заказах, которые имеются во всех без исключения выходных и вкладных записях писцов, то есть в тех записях удостоверительного вида, которые содержали сведения либо о факте организации книгописных работ, либо о пожертвовании церкви только что переписанного кодекса. Причины отсутствия в кодексах выходных записей должны выясняться в каждом случае особо.

Сохранились сведения о 78 заказчиках XI – XIV вв. Некоторые из них выступали инициаторами изготов-

⁶Дмитриева Р.П. 1968. 143-170; Дмитриева Р.П. 1974. 202-230.

⁷ От XI–XIII вв. сохранилось 262 пергаменных кодекса, от XIV в. (по предварительным подсчетам) – ок. 600 (Столярова Л.В. 1999. 13, 37, 156, примеч. 106).

ления двух, трех и даже четырех пергаменных рукописей. Многократными заказчиками были новгородские архиепископы Климент, Моисей, Алексей и Иоанн. Памятники летописания и некоторые записи отмечают случаи изготовления нескольких книг по княжескому заказу (киевского в. кн. Ярослава Мудрого, владимировольнского кн. Владимира Васильковича, кнг. Марины и др.), однако эти рукописи утрачены, а сведения об их заказчиках и о самом факте организации книгописания скупы и отрывочны и не позволяют сделать сколь-нибудь определенных заключений. Более или менее систематические сведения о лицах, инициировавших книгописание, появились в выходных, вкладных, реже - именных записях писцов XIV в. К этому времени книгописание оформилось в самостоятельную ремесленную специальность (см. ниже), а формуляр записей удостоверительного вида вполне сложился.

От XI в. сохранилось семь записей писцов, в которых названы шесть заказчиков пергаменных кодексов: новгородский кн. Владимир Ярославич (1047 г., Толкование книг св. пророков); новгородский посадник Остромир-Иосиф (1057 г., Евангелие апракос краткий), киевский в. кн. Святослав Ярославич (1073 г., Изборник), безымянная игумения монастыря Покрова Богородицы в Зверинце (рубеж XI – XII вв., Минея служ. на июль), некто Милята Лукинич (рубеж XI – XII вв., так называемое “Милятино” евангелие)⁸, прихожане и клир монастыря Покрова Богородицы в Зверинце (1095 –

⁸ Выходная запись писца Упыря Лихого 1047 г. с упоминанием кн. Владимира Ярославича в оригинале не сохранилась, но дошла в восьми списках XV–XVI вв.; см.: *Поппэ А.В.* 1985. 319-350. Вероятно, не сохранилась в подлиннике и запись с упоминанием Миляты Лукинича (см.: *Столярова Л.В.* 1998. 203-221). Остальные записи с именами заказчиков дошли в оригинале: РНБ. Ф.п.I.15. Л. 294б-г; ГИМ. Син. 31-д. Л. 2 об. - 2, 263 об. - 264; РГАДА. Ф. 381. № 121. Л. 52 об.

1096 г., Минея служ. на сентябрь⁹). За исключением Изборника Святослава 1073 г., происхождение которого связано с великокняжеским киевским домом, все остальные рукописи XI в., имена заказчиков которых сохранились, были изготовлены в Новгороде.

Известны 9 заказчиков пергаменных кодексов XII в.¹⁰: новгородский кн. Федор-Мстислав Владимирович (1103 – 1117 гг.; Мстиславово евангелие апракос), игумен новгородского Юрьевского монастыря Евфимий (1129 г.; Сборник житий¹¹); Пантелеймон и Екатерина, которых мы отождествляем с киевским в. кн. Изяславом-Пантелеймоном Мстиславичем и его женой¹² (1148–1155 гг.; «Пантелеймоново» евангелие); священник церкви Иоанна Предтечи Семен (1164 г.; «Добрилово» евангелие); Георгий (XII в.; Месяцеслов); неизвестный по имени новгородский архиепископ (XII в.; Минея служ., январь); Стефан Лежень и Мария (конец XII – начало XIII в.; Триодь(?)). В целом сохранились сведения о производстве на заказ шести пергаменных кодексов этого времени¹³. Происхождение четырех из них связано с Новгородом¹⁴.

По именам известны 16 заказчиков кодексов XIII в.¹⁵: ростовский епископ Кирилл I (1219 г.; Житие Нифонта, 1220 г.; Толковый апостол); Остафий Васильевич

⁹ Столярова Л.В. 2003. С. 286–293.

¹⁰ Подробнее см.: Столярова Л.В. 2004. 236–258.

¹¹ Происхождение выходной записи 1129 г., составленной от имени писца инока Антония о написании им книги Житий по «благословиению» игумена Юрьевского монастыря Евфимия и сохранившейся в рукописи второй половины XIV в. (РНБ. Погод. № 71⁶. Л. 154 об.), неясно. Исследователи считают ее либо копией с утраченного оригинала, подлинность которого в целом не вызывает сомнения, либо позднейшей подделкой.

¹² См.: Столярова Л.В. 1998. 148–163; Столярова Л.В. 1999а. 245–251; Столярова Л.В. 2002. 108–128; Столярова Л.В. 2000. 79–87. № 72.

¹³ Столярова Л.В. 2000. № 65–66, 70, 72, 75, 90, 91, 96.

¹⁴ Там же. № 65–66, 70, 72, 91.

¹⁵ Подробнее см.: Столярова Л.В. 2003.

(1229 г.; Шенкурский пролог¹⁶); новгородский архиепископ Спиридон (1229 – 1249 гг.; Ирмологий); тиун Петр (1269 – 1289 гг.; Паренесис Ефрема Сирина¹⁷); чернец Симон (1270 г.; «Симоновское» евангелие); прихожане Борисоглебской церкви с. Матигоры в Заволочье на Двине (1271 г.; «Захариинский» паремейник); некто Захария Олекшинич (1282 г.; Пролог на сентябрь-январь); рязанский епископ Иосиф и княгиня Анастасия с сыновьями Ярославом и Федором Романовичами (1284 г.; Кормчая¹⁸); новгородский кн. Дмитрий Александрович и архиепископ Климент (1285 – 1291 гг.; Синодальная кормчая); владимиرو-волинский кн. Владимир Василькович и его жена Ольга Романовна (1287 г.; Номоканон¹⁹); княгиня Марина (1296 г.; Псалтирь); новгородский архиепископ Феоктист (1299 – 1300 гг.; Сборник житий (Пролог?)²⁰); некто Григорий (первая половина XIII в.; Минея служебная, февраль). Этими лицами было инициировано изготовление 14 кодексов. Один кодекс из этого числа был изготовлен по коллективному заказу (1271 г.)²¹. Происхождение по крайней мере семи заказных кодексов XIII в. связано с Новгородом. Два кодекса изготовлены в Ростове, два – во Владимире Волынском.

В целом среди заказчиков рукописей XI – XIII вв. насчитывается 7 князей, 4 княгини, 6 епископов (три из них – новгородские архиепископы), 1 посадник, 1 тиун,

¹⁶ Рукопись утрачена; запись известна в пересказе (*Столярова Л.В.* 2000. 116-117. № 102).

¹⁷ Подлинник рукописи утрачен; запись писца сохранилась в списке конца XV в. (РНБ. Погод. № 71^a. Л. 329-329 об.); см.: *Столярова Л.В.* 2000. 119-122. № 105.

¹⁸ РНБ. Ф.п.П.1. Л. 402в-г.

¹⁹ Запись сохранилась в списках XV–начала XVII в.: Харьковский исторический музей, инв. № 21129. Л. 290 об.; РГБ. Рум. (Ф. 256). № 235. Л. 269 об.

²⁰ Рукопись утрачена; подробнее см.: *Столярова Л.В.* 2000. С. 161-162. № 129.

²¹ Имеется в виду Захариинский паремейник 1271 г. (РНБ. Q.п.1.13).

2 игумена, 1 священник, 1 чернец. Социальный статус шести заказчиков XI – XIII вв. в записях писцов никак не определен. Как уже говорилось, коллективный вклад был сделан прихожанами Борисоглебской церкви в За-волочье, социальное положение которых могло быть неоднозначным. Таким образом оказывается, что свет-ских лиц среди заказчиков книг в это время было чуть больше (13), нежели духовных (12)²². Среди последних преобладали церковные иерархи. За минимальным ис-ключением (1 священник, 1 чернец) изготовление вкладных книг в XI-XIII вв. инициировали представи-тели верхушки феодального общества. Всего по записям писцов известно о заказах 26 вкладных книг XI – XIII вв.

В истории древнерусской культуры XIII в. стал временем, в которое наметились определенные измене-ния в организации книжного дела. Одной из особеннос-тей этого периода является то, что записи на книгах отразили мѣньший (нежели в XI – XII вв.) процент зака-зов на книги, инициированных князьями. Только четыре рукописи из 15-ти, изготовленных в XIII в., помечены записями писцов, сообщающими, что они были перепи-саны при участии князей. Характер участия князей в книгописании не был одинаковым в разных регионах Руси. Рязанская княгиня Анастасия, вдова кн. Романа Ольговича, с сыновьями Ярославом и Федором Романо-вичами упомянута как заказчица наряду с епископом Иосифом (1284 г.; Кормчая). Владимиро-волинский кн. Владимир Василькович фигурирует как инициатор кни-гописных работ вместе с женой кнг. Ольгой Романовной (1287 г.; Номоканон). Неизвестная по другим (кроме вы-ходной записи) источникам княгиня Марина (1296 г.) указана в записи писца Захарии как единоличная заказ-чица Псалтири²³. Новгородский кн. Дмитрий Алексан-дрович упоминается как лицо, «повелевшее» переписать

²² См.: *Столярова Л.В.* 2000. С. 449-450.

²³ ГИМ. Син. № 235. Л. 337а - 338б; см.: *Столярова Л.В.* 2000. С. 149-157. № 122.

Кормчую на средства («стяжанием») архиепископа Климента (так называемая Синодальная или Климентьевская кормчая, ок. 1285 – 1291 гг.)²⁴.

Обращает на себя внимание, что в трех из четырех зафиксированных в записях писцов случаях участия князей в книгописании, переписывались именно Кормчие книги. Все они были изготовлены в 80-е годы XIII в., причем почти одновременно в разных регионах Руси – в Рязани, Новгороде и Владимире Волынском. Отмеченный выходными записями Владимиро-Волынской и Новгородской климентьевской кормчей интерес к переписыванию сборников церковно-юридического характера ознаменован созданием еще в 60-е – 70-е годы XIII в. Русской редакции Кормчей²⁵. Появление рязанского списка кормчей Сербской редакции (1284 г.) связано с новым этапом в составлении корпуса церковного права на славянском языке в условиях восстановления церковной организации во второй половине XIII в. после монгольского разорения 1237 – 1240 гг.

Сербская кормчая была выписана из Болгарии митрополиом Кириллом II, несмотря на то, что на Руси давно и хорошо была известна Древнеславянская кормчая²⁶. Важной причиной внимания, проявленного Кириллом II к Сербской кормчей было то, что прежде известные Кормчие на Руси содержали ранние (до X в.) памятники права, переводы которых были весьма несовершенны и полны противоречий. Новая Кормчая включала в себя новейшие установления (XI – XII вв.) и имела удобный сокращенный текст в ясных переводах, сопровождаемый комментариями XII в. Русская редакция кормчей построена на основе материалов Сербской кормчей, однако в ней использованы известные на Руси с XI в. переводы Древне-

²⁴ ГИМ. Син. № 132. Л. 1. Нами принимается датировка Кормчей, предложенная и обоснованная В.Л.Яниным (см.: Янин В.Л. 1978. 287-292; Янин В.Л. 2004. 232-236).

²⁵ Щапов Я.Н. 1978. 163-254.

²⁶ Там же. 152.

болгарской кормчей, а также переводные и оригинальные памятники права. В конце XIII в. (т.е. едва ли не одновременно с созданием Русской редакции кормчей) материалы Сербской кормчей вошли в состав Мерила Праведного – пособия для княжеского суда²⁷.

Появление в последней четверти XIII в. списков Русской редакции Кормчей М.Н. Тихомиров рассматривал как показатель развития русской письменной и правовой культуры в условиях монголо-татарского ига. Ученый показал, что в это время переводные памятники права адаптировались на Руси к местным условиям. Одновременно создавались новые рукописные сборники, соединившие оригинальные русские правовые произведения с традиционными²⁸. Я.Н. Шапов установил, что во второй половине XIII в. происходили значительные и многократные переработки текста Кормчей на местах – в Киеве, на Волыни, в Северо-Восточной Руси, в Новгороде, Пскове и др.²⁹ В процессе создания Русской редакции Кормчей был расширен состав оригинальных памятников права за счет включения сочинений Кирилла Туровского, древнерусских правил о браке, поучений к попам и епископам и пр. При этом в местных списках Кормчей появились произведения не только церковного, но и светского происхождения.

В состав Климентьевской (Синодальной) кормчей впервые был включен текст Русской Правды в ее Пространной редакции. Наряду с нею новгородский Синодальный список пополнился списками Устава Владимира, Закона судного людем, Сказаниями Кирилла Туровского, русской обработкой Летописца вскоре патриарха Никифора, Правил митрополита Кирилла, Устава Святослава и др. Уникальность Климентьевской кормчей подчеркивается тем, что новгородская обработка Кормчей Русской

²⁷ Тихомиров М.Н. 1941. 97.

²⁸ Тихомиров М.Н. 1941. 81-88; Тихомиров М.Н. 1968. 173-184; Закон Судный людем Краткой редакции. 1961. 7-26.

²⁹ Шапов Я.Н. 1978. 234.

редакции происходила тогда, когда в Новгороде уже сложилась боярская феодальная республика с отличной от других русских земель системой государственных учреждений. Специфика политического строя Новгорода последней четверти XIII в. потребовала соединения кодекса княжеского права с церковно-юридическим сборником, регулирующим внутреннюю жизнь церкви и многие догматические и обрядовые вопросы. Сфера юрисдикции новгородского архиепископа в это время значительно расширилась и вышла за пределы традиционно принадлежащих церкви административных и судебных функций, распространившись на дела, прежде находившиеся в сфере княжеского суда. Расширение владычной юрисдикции на светский суд (внешнеполитические дела, сношения с русскими землями, суд по гражданским делам) отчетливо просматриваются не только в памятниках письменности, но и в сфрагистике³⁰.

Интерес князей, проявленный к составлению местных списков Кормчей, свидетельствует об их безусловном внимании к разделению сфер юрисдикции между светской и церковной властью в последней четверти XIII в. Щапов показал, что в княжеском суде в XII – XIV вв. значение Кормчей (до включения в нее светских произведений права, прежде всего, Русской Правды) было минимальным и ограничивалось разделением сфер церковной и княжеской юрисдикции. По его мнению, в указании записей на участие князей в изготовлении Кормчих нельзя видеть заинтересованности светской власти в практическом использовании этих сборников церковного права. Ученый справедливо поставил роль князей в изготовлении местных списков Кормчей в один ряд с такими традиционными действиями светской власти, как церковное строительство и пожалования церкви книг, а также дви-

³⁰ Янин В.Л. 1963.118-127; Янин В.Л. 1970. 58, 87; Шорин П.А. 1964. 256-267. № 3; Щапов Я.Н. 1974. С. 183-184; Щапов Я.Н. 1978. 221-223.

жимого и недвижимого имущества³¹.

Совершенно уникально значение владимиrowольинского кн. Владимира Васильковича и его жены Ольги Романовны в создании списка Кормчей на Волыни. Судя по записи, они повелели переписать кодекс и финансировали книгописание без участия главы местной епархии³². Причины такой заинтересованности в изготовлении Кормчей следует искать в особенностях взаимоотношений светской и церковной власти во Владимиро-Волынском княжестве в последней четверти XIII в.

Деятельность владимиrowольинского кн. Владимира Васильковича в качестве заказчика книг не имеет аналогов в истории Древней Руси. В летописном некрологе ему содержится уникальный перечень книг, которые он жертвовал в духовные корпорации своего княжества. Каменецкой церкви Благовещения Богородицы наряду с иконами и драгоценными сосудами он пожаловал четыре рукописи: «Еуангелие опракос, оковано серебром, Апостол опракос, и Парямейник, и Съборник». Подобный же вклад («иконами и книгами») Владимир Василькович сделал в Белзе. Евангелие, окованное серебром, и Апостол апракос этот князь пожаловал Богородичному Успенскому собору во Владимире. «В память събе в монастырь въ свои» он передал вкладом Евангелие апракос, Апостол, «Съборник великий» и Молитвенник. Епископскому собору Иоанна Предтечи в Перемышле Владимир Василькович отправил в дар «Еуангелие опракос, окованно серебром съ женчюгом»; в кафедральный собор Спаса Преображения в Чернигове – «Еуангелие опракос золотом писано, а оковано серебром съ женчюгом...». В основанную им Георгиевскую церковь в Любомле он вложил два Евангелия апракос в драгоценных окладах, Апостол апракос, Пролог на обе половины года («Прологы списа 12 месяца»), годовой комплект служебных Миней («и Менеи 12 списа»), Три-

³¹ Щапов Я.Н. 1974. 172-189; Щапов Я.Н. 1978. 249-250.

³² Щапов Я.Н. 1978. 249.

оди – постную и цветную, Октоих и Ирмологий («Ермо-лои»), Служебник, Молитвенник («...молитвы вечерни и оутрѣнии»). Кроме того, сюда же он передал еще один Молитвенник, купленный им у некоего протопопа за восемь гривен кун. Наконец, в церковь св. Петра в Берестье Владимир Василькович вложил Евангелие апракос «оковано серебром»³³. Масштаб его книжных пожертвований поражает воображение. По его инициативе только согласно некроложному перечню было переписано или специально куплено, а затем вложено не менее 38 книг³⁴. При этом состав белзского вклада Владимира Васильковича скрыт в формуле «так о ж и у Бельскоу пооустрои церковь иконами и книгами»³⁵.

В некрологе не указана по крайней мере еще одна книга – Номоканон 1287 г. Скорее всего, она не отличалась особой художественностью, не имела драгоценного оклада, не была вкладной, а потому и не попала в упомянутый перечень, хотя ее значение в истории правовой культуры Руси трудно переоценить. Все книги Владимира Васильковича, упомянутые в некроложном перечне, – из традиционного богослужебного набора и в основном предназначены для храмового богослужения. Сам факт наличия в некрологе перечня книг, пожалованных Владимиром Васильковичем церкви, позволяет предположить, что современники воспринимали его деятельность заказчика и вкладчика не только как грандиозную, но и как совершенно необычную. Нет оснований

³³ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 925-927.

³⁴ По подсчету Б.В. Сапунова – 50 книг; по-видимому, это расхождение связано с тем, что он предположил создание по инициативе Владимира Васильковича 12-томного Пролога (см.: *Сапунов Б.В.* 1978. С. 72-73). Однако это маловероятно. Древнерусские Прологи обычно существовали в виде двух томов на обе половины года (на март-август и сентябрь-февраль) или же в виде одного годового тома. Наряду с Кормчими это самые объемистые из известных древнерусских пергаменных кодексов.

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 925.

усомниться в достоверности этого перечня: в нем нет ни явно преувеличенных цифр, ни глухих обобщений типа «книг многих». Главное же свидетельство высокой степени достоверности этого перечня – его абсолютно богослужебный состав: любая церковь в первую очередь нуждалась в «рабочих» храмовых экземплярах книг³⁶.

С деятельностью Владимира Васильковича, по-видимому, следует связать распространение правовой и письменной культуры во Владимиро-Волынском княжестве во второй половине XIII в. Именно с его именем связано появление самых ранних княжеских завещаний: двух «рукописаний» около 1287 г., не сохранившихся в подлинниках, но известных в составе текста Ипатьевской летописи³⁷. Имеются основания считать, что соединение галицко-волынского летописания с Киевским сводом 1198 г. также произошло в княжение Владимира Васильковича³⁸.

Судя по выходным записям писцов, значительное число кодексов XIII в. переписывалось по инициативе представителей церкви³⁹. Определенные изменения в социальном составе заказчиков XIII в. (по сравнению с предшествующими двумя столетиями в истории русской книги) следует связать с усилением роли церковной организации на Руси. Определенные коррективы в наши представления о ранних заказчиках книг вносит и то, что подавляющее большинство сохранившихся кодексов XI – XIV вв. по своему происхождению новгородско-псковские. Это не только следствие более развитой здесь городской и книжной культуры, но и проявление относительно лучшей сохранности книжного фонда, почти не ощутившего на себе катастрофических последствий нашествия монголо-татар.

На изменении социального статуса заказчиков

³⁶ Пользуемся терминологией М.И. Слуховского.

³⁷ *Кашианов С.М.* 1996. 78.

³⁸ *Клосс Б.М.* 1998. Е.

³⁹ Ср. с иной точкой зрения: *Сапунов Б.В.* 1978. 72-74, 84-85, 118, 133-134, 144-145, 151-152 и др.

новгородских кодексов в первую очередь отразились и радикальные перемены в политическом устройстве Новгорода во второй четверти XII в. Уже с конца XI в. с созданием особого органа власти – посадничества – новгородское боярство препятствовало проникновению князя в вотчинную систему землевладения. В 1126 г. возник сместной суд, в котором принятие решений целиком зависело от воли посадника. В 1136 г. в ходе восстания новгородцы изгнали с княжеского стола Всеволода Мстиславича, пригласив на его место черниговского кн. Святослава Ольговича. Этим актом новгородцы подтвердили действенность своего принципа «вольности в князьях». С середины XII в. внешний пояс новгородских волостей, расположенных на границах соседних княжеств, а потому особенно подверженных вмешательству княжеской власти, особо оговаривался в новгородско-княжеских докончаниях как территория, находящаяся под исключительным суверенитетом бояр⁴⁰. Такая ситуация почти свела на нет инициативу новгородских князей в изготовлении вкладных рукописей, поскольку с утратой ими политической и экономической власти богатые книжные пожертвования церкви уже не способствовали росту княжеского авторитета. Усиление боярства и беспрецедентный рост монастырей (к концу 90-х годов XII в. их насчитывалось уже 15⁴¹) также не могли не отразиться на особенностях новгородского книгопроизводства. Особое место архиепископской кафедры как центра новгородского летописания также способствовало изменениям в статусе заказчиков книг в Новгороде.

Худшая сохранность книжного фонда Северо-Восточной и Южной Руси, лапидарность и отрывочность источников затрудняют воссоздание объективной картины участия князей в книгописании на этих территориях. Мы можем говорить лишь об отдельных князьях, проявлявших, в силу тех или иных своих личных качеств и полити-

⁴⁰ Янин В.Л. 2002. 70-79.

⁴¹ Бобров А.Г. 2001. С. 9-10.

ческих интересов, внимание к книжному делу. На этом фоне совершенно уникальной выглядит деятельность владими́ро-волы́нского кн. Влади́мира Васи́льковича.

В XIV в. социальный состав заказчиков пергаменных кодексов⁴² еще более изменился: 1 митрополит, 15 епископов, 9 игуменов (два из которых – юрьевские архимандриты), 7 чернецов, 4 священника, 7 церковных старост (один из которых определил себя как владычный наместник), 1 боярин, 1 князь. Один заказ был коллективным. Социальный статус пяти заказчиков писцы XIV в. никак не определили, назвав их только по имени⁴³. Таким образом, в XIV в. книги переписывались в основном по заказу представителей черного и белого духовенства (80,6 % от общего числа заказчиков). Ни один единоличный княжеский заказ, начиная с середины XII в. не связан с Новгородом. В то же время, подавляющее большинство кодексов, сопровождаемых записями писцов со сведениями о заказчике, также как и кодексы XI – XIII вв., происходят из Северо-Запада Руси. Кажущееся уменьшение роли князей в организации книгописания в XIV в. (7,1% от общего числа заказчиков книг этого времени) по сравнению с предшествующим периодом (37,9 % от общего числа заказчиков XI-XIII вв.) связано с изменением статуса и роли князя в Новгородской земле. Однако общая тенденция - заказ на производство рукописи делался в связи с предстоящим вкладом или для удовлетворения внутренних нужд духовной корпорации, представителем которой был заказчик (как правило, игумен, священник или церковный староста) – кажется нам вполне очевидной.

2. Писцы книг

Предварительный анализ почерков сохранившихся от XI – XIII вв. древнерусских пергаменных кодексов позволяет говорить не более чем о 700 писавших в них

⁴² Данные о заказчиках бумажных кодексов XIV в., равно как об их писцах и владельцах, в настоящей статье не учитываются.

⁴³ Подробнее см.: *Столярова Л.В.* 1999. 37-42.

книжников⁴⁴. Их имена и социальный статус в большинстве случаев не известны: только 120 переписчиков пергаменных кодексов XI – XIV вв. поместили свои записи именем. Анализ этих записей показал, что перепиской книг в XI – XIII вв. на Руси в основном занимались представители белого духовенства и их дети. Из 50 писцов этого времени, известных по имени, свой социальный статус в записях указали 25. В их составе насчитывается 9 священников («попов», «пресвитеров», «просвутеров», «попинов»), 5 дьяконов, 3 пономаря, 1 игумен, 1 инок, 1 распоп, 4 поповича. Один ограничился самоопределением «писец», никак иначе не определив свою сословную принадлежность. Эта картина существенно изменилась в XIV в. Из 70 книгописцев, известных по имени, 45 указали свой социальный статус. Среди писцов этого времени было 7 священников, 15 дьяконов, 1 протодьякон, 11 монахов («иноков», «калугеров», «чернецов», «черноризцев»), 1 распоп, 2 поповича, 8 «писцов», из которых семеро определили себя словом «владычныи»⁴⁵. Увеличение в XIV в. среди писцов процента монашествующего духовенства связано с постепенным перемещением в это время центров древнерусского книгописания из церквей в монастыри.

Вопреки сложившемуся в советской историографии мнению, древнерусские писцы в большинстве случаев не были ремесленниками светского типа. Переписка книг, по крайней мере, до середины XVI в., оставалась в России исключительной прерогативой церкви. Довольно частое употребление в источниках конца XIII в. слова «писец» может свидетельствовать о том, что в это время происходит оформление книгописания в самостоятельную ремесленную специальность. Так, к концу XIII в. слово «писец» появляется одновременно в древнерусских

⁴⁴ Предварительные данные о числе древнерусских писцов основаны на материалах картотеки индивидуальных почерков XI–XIV вв., составляемой автором этих строк.

⁴⁵ *Столярова Л.В.* 1999. 9-18, 37-41.

источниках разных видов. Так, в рядной грамоте Тешаты и Якима ок. 1261 – 1299 гг. фигурирует некий Довмонтов писец: «...А псаль Довмонтов писец»⁴⁶. В завещании («рукописании») владими́ро-волы́нского кн. Владимира Васильковича ок. 1287 г., сохранившемся в составе текста Ипатьевской летописи, упоминается «писец Федорец»⁴⁷. С XIV в. слово «писец» окончательно терминологизируется и употребляется в записях на книгах регулярно, без дополнительных сословных определений⁴⁸.

В отличие от практики разделения труда, обычно проводимой в монастырских скрипториях Франции и зафиксированной монастырскими уставами⁴⁹, древнерусские книжники в своих записях подчеркивали, что «написал книги» и «переплол» («крыл») их один человек⁵⁰. Первый автограф переплетчика дошел лишь от конца XIII в.⁵¹ Палеографические наблюдения над сохранившимися роскошными кодексами, изготовленными в Древней Руси XI – XIV вв., не оставляют сомнений в том, что они писались и иллюминировались разными людьми. Подобная практика побудила исследователей древнерусской рукописной книги различать «роскошные» и «заурядные» в художественном отношении кодексы. Как правило, именно в «заурядных» рукописях текст и декор принадлежали руке одного и того же мастера. В целом практика разделения труда в древнерусских книгописных мастерских, видимо, не получила широкого распространения. Обыденные, заурядные кодексы, которых в приходских церквях средневековой Руси было большинство, в основном декорировались писцом.

⁴⁶ ГВНП. М.; Л., 1949. С.317. № 331.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. М., 1962. Стб. 932; см.: *Кашианов С.М.* 1996. С.78.

⁴⁸ Подробнее см.: *Столярова Л.В.* 1999. 41-42.

⁴⁹ *Garrigou G.* 1984. 71-83; *Романова В.Л.* 1975. 45.

⁵⁰ Самая ранняя из записей такого рода сделана попом Домкой на рубеже XI–XII вв. (см.: *Столярова Л.В.* 2000. 42. № 19).

⁵¹ РГАДА. Ф. 381. № 110. Л. 16; *Столярова Л.В.* 2000. 168. № 142.

3. Центры книгописания и условия труда писцов

Записи на древнерусских пергаменных кодексах XI – XII вв. в качестве места переписки рукописей называют духовные корпорации, расположенные преимущественно в городах и ближайшем пригороде. Таковыми были новгородский монастырь св. Лазаря (рубеж XI – XII вв.), Михаило-Выдубицкий монастырь под Киевом (1116 г.), новгородский Юрьевский монастырь(?) (1129 г.), новгородские церкви св. Иоанна Предтечи (1148 – 1155 гг.), Вознесения Господня (1175 – 1185 гг.) и св. Власия (XII в.), а также церковь св. Апостолов (1164 г.), местоположение которой неясно. Записи XIII в. сообщают об изготовлении рукописей при соборе св. Богородицы Успения в Ростове (1219, 1220 гг.), новгородских церквях св. Константина и Елены (1226 г.), Михаила Архангела (1229 г.), св. Дмитрия (1271 г.) и св. Иакова (1282 г.), а также в перемышльской (или холмской?) церкви св. Иоанна (1281 г.).

В XIV в. книгописные работы все чаще осуществлялись в монастырях, хотя скриптории при церквях по-прежнему действовали. В источниках этого времени в качестве места изготовления кодексов фигурируют псковские церкви св. Николая (ок. 1330 г.), Воздвижения Честного креста на Княжем дворе (1382 г.) и св. Богородицы (вторая половина XIV в.), новгородский Софийский собор (1386 г.); монастыри – суздальский Спасо-Евфимьев (1369 г.), подмосковный Троице-Сергиев (1380 г.), серпуховской Богородицы Зачатия (1381 г.), новгородские Святотроицкий на Видогощи (ок. 1386 г.) и Лисицкий (1397 г.), а также переславский монастырь Богородицы Введения (1389-1425 гг.) и др.⁵² В подавляющем же большинстве записей на книгах XIV в., также как и в записях XI – XIII вв., сведения о месте создания кодекса отсутствуют.

Мы не располагаем письменными данными о том, какие организационные формы принимало книгописание в

⁵² *Столярова Л.В.* 1999. 19, 42.

Древней Руси XI – XIV вв., как осуществлялся собственно процесс работы над кодексом, какие инструментарий, материалы и средства для письма были в распоряжении древнерусских писцов, какой утварью они пользовались и какие помещения занимали. Весьма своеобразным единичным упоминанием о таком помещении («издба») является запись дьяка Козьмы Поповича в Паремейнике 1312 – 1313 гг.: «У, побъзди боля Лука, навониле мъ[не] издбу»⁵³. В 1461 г. в этом качестве известна даже темница (писец Илья сообщил о том, что написал Минею «ссядшу в железах») ⁵⁴. Однако эти однократные упоминания вряд ли могут определять наши представления о помещениях, отводимых под скрипторий.

Более или менее подробные сведения об организации средневековых книгописных мастерских сохранились только от конца XV – XVI вв. Однако и они довольно отрывочны⁵⁵. Попытки сравнить организацию книгопроизводства в Древней Руси с письмом книг в западноевропейских государствах варварского типа, неизбежно приводят к аналогиям с Франкским королевством середины VII – середины VIII в., в котором книгописание находилось на начальной стадии развития⁵⁶.

Сохранившиеся источники (и, прежде всего, записи на книгах) позволяют считать, что древнерусские переписчики зачастую работали в условиях довольно низкой организации труда. Переписывание книг нередко осуществлялось в плохо освещенных и задымленных помещениях. В распоряжении писцов нередко оказывался дефектный пергамен, вероятно, изготовленный из кожи старого животного («сеи кожи съ 30 лет»⁵⁷) и из-

⁵³ РГАДА. Ф. 381. № 61. Л. 43; Столярова Л.В. 2000. 201-202. № 183.

⁵⁴ Розов Н.Н. 1981. 35.

⁵⁵ См.: Сimoni П.К. 1906.

⁵⁶ Vezin J. 1996. 307-334; см. также: Столярова Л.В. 2003а. С. 366-378.

⁵⁷ ГИМ. Син. № 722, Л. 97; Столярова Л.В. 2000. 178-179. № 157.

ветшавшие, плохо читаемые оригиналы («книги ветшаны»⁵⁸). В ряде случаев писцы приступали к работе в состоянии усталости и нездоровья. Они страдали не только от головных и глазных болей⁵⁹, болей в спине⁶⁰, кожных заболеваний («короста»)⁶¹, но и от похмельного синдрома («попирие»)⁶², сопровождавшегося дрожанием рук («рука попиерна», «рука ся тепет»)⁶³. Весьма значительно число записей, в которых писцы сообщают о переписывании ими книг поздним вечером или даже ночью⁶⁴. В связи с этим часты жалобы на плохое освещение («вечер уже», «темно»)⁶⁵ и сонливость⁶⁶. «Дремирование, дремота неприменная»⁶⁷ оказывались причиной, на которую писцы ссылались, извиняясь за допущенные ошибки: «...аще будемъ грубо написали, или кде переступиле... въ

⁵⁸ РНБ. Ф. п. IV. 2. Л. 172г-173а; *Столярова Л.В.* 2000. 319, 323. № 309.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 381. № 61. Л. 22, 99 об.; *Столярова Л.В.* 2000. 200-201. № 182; Там же. С. 205 № 190; ГИМ. Син. № 239. Л. 39; *Столярова Л.В.* 2000. 215. № 201.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 381. № 174. Л. 83 об.; *Столярова Л.В.* 2000. 395 № 405; РГАДА. Ф. 381. № 174. Л. 71, 127; *Столярова Л.В.* 2000. 395. № 405; Там же. С. 398-399. № 415.

⁶¹ РГАДА. Ф. 381. № 67, 67 об. Л. 84; *Столярова Л.В.* 2000. 304. № 295; Там же. С. 304-305. № 296 и др.

⁶² РГАДА. Ф. 381. № 61. Л. 22; *Столярова Л.В.* 2000. 200-201. № 182; РГАДА. Ф. 381. № 174. Л. 92; *Столярова Л.В.* 2000. 396. № 408.

⁶³ РГАДА. Ф. 381. № 61. Л. 22; *Столярова Л.В.* 2000. 200-201. № 182;.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 381. № 157. Л. 23; *Столярова Л.В.* 2000. 223. № 217; РГАДА. Ф. 381. № 52. Л. 51; *Столярова Л.В.* 2000. 272. № 255; РГБ. Троицк. (Ф. 304). № 22. Л. 48; *Столярова Л.В.* 2000. 338-339. № 331.

⁶⁵ ГИМ. Син. № 722. Л. 89 об.; *Столярова Л.В.* 2000. 178. № 156; ГИМ. Син. № 239. Л. 21; *Столярова Л.В.* 2000. 214-215. № 200.

⁶⁶ ГИМ. Син. № 333, Л. 145; *Столярова Л.В.* 2000. 386. № 386.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 381. № 157. Л. 1; *Столярова Л.В.* 2000. 223. № 215; ГИМ. Син. № 932. Л. 5; *Столярова Л.В.* 2000. 265. № 246.

дремании»⁶⁸. Во время работы писцы отвлекались для приема пищи⁶⁹ и горячительных напитков⁷⁰, посещения бани⁷¹, походов «въ торгъ»⁷², участия в судебных тяжбах⁷³ и общения с «бабой»⁷⁴. Дневниковые записи псковского писца попа Саввы 1372 – 1373 гг. (т.е. лица, в силу своего священнического сана, постоянно занятого в богослужении) оставляют впечатление, что, работая над Изборным октоихом⁷⁵, он отвлекался по хозяйственным нуждам, мог отправиться на гумно и радеть за «страдниками», наблюдал за рождением поросят или происходящим «через тын» пиршеством⁷⁶. Подобные отвлечения были возможны только в том случае, если писец работал у себя дома или при монастыре или церкви, в которых служил и которые жили не одной только духовной, но и хозяйственной жизнью.

Учитывая, что за один присест писцы переписывали довольно незначительные по объему части текста (от 0,5 л. в одиночку до 4,5 л. совместными усилиями⁷⁷) «ночное бдение» древнерусских книжников следует объяснить их работой в свободное от богослужений время. Вероятно, в XI – XIV вв. книгописание в Древней Руси было своеобразным духовным обетом, дополнительной обязанностью специально обученных священ-

⁶⁸ ГИМ. Син. № 70. Л. 176 об.; Столярова Л.В. 2000. 282. № 272.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 381. № 61. Л. 115; Столярова Л.В. 2000. 205. № 119; ГИМ. Син. № 239. Л. 77 об.; Столярова Л.В. 2000. 218. № 207; ГИМ. Син. № 932. Л. 54; Столярова Л.В. 2000. 269-270. № 251; РГАДА. Ф. 381. № 67. Л. 78; Столярова Л.В. 2000. 300. № 290; РГАДА. Ф. 381. № 67. Л. 96; Столярова Л.В. 2000. 310. № 301.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 381. № 67. Л. 79; Столярова Л.В. 2000. 301. № 291.

⁷¹ РГАДА. Ф. 381. № 67. Л. 84 об.; Столярова Л.В. 2000. 304. № 296.

⁷² РГАДА. Ф. 381. № 174. Л. 71; Столярова Л.В. 2000. 395. № 404.

⁷³ ГИМ. Хлуд. № 37. Л. 69а; Столярова Л.В. 2000. 362-363. № 363.

⁷⁴ ГИМ. Син. № 239. л. 76; Столярова Л.В. 2000. 217. № 205.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 381. № 67.

⁷⁶ Столярова Л.В. 1998. 180-192.

⁷⁷ Столярова Л.В. 1999. 43-44.

ников, дьяконов, а позднее — монахов.

В отличие от западноевропейских книгописных мастерских, в которых проповедовалось молчание во время работы⁷⁸, древнерусские писцы не были ограничены в потребности общаться между собой. Дружеские беседы нередко являлись причиной ошибок в переписываемом тексте. В выходных записях XIV в. просьбы простить и исправлять писца содержат извинения за ошибки, допущенные «в беседе... с другом», «с другом беседуя», «с другом глаголя», «в глаголании с другом или в дремании»⁷⁹. В книгописании использовались наряду с хорошими негодные, плохо очиненные перья («лихои перо, неволно им писати», «погыбель перья сего»)⁸⁰. Писец Лаврентьевской летописи сомневался: «добро ли перо се»⁸¹. Не исключено, что приготовление орудий для письма входило в обязанности самих писцов.

4. Материал для письма (пергамен)

Никаких прямых данных об изготовлении пергамена, чернил, перьев и других инструментов, материалов и средств для письма на Руси ранее, чем от конца XV в., нет. Где и как на Руси в XI – XIV вв. выделялся пергамен, существовала ли какая-то ремесленная специализация пергаменариев, аналогичная западноевропейским мембранариям и пергаменариям, неизвестно. Не исключено, что пергамен ряда роскошных древнерусских рукописей, которому присуще высокое качество выделки (Остромирова евангелия 1056 – 1057 гг., Изборника Святослава 1073 г., Мстиславова евангелия около 1103 – 1117 гг. и др.), был привозным, специально закупленным для осуществления

⁷⁸ Романова В.Л. 1975. 45-47.

⁷⁹ ГИМ. Син. № 15. Л. 128б-в; Столярова Л.В. 2000. 187. № 187; ГИМ. Син. № 70. Л. 176 об.; Столярова Л.В. 2000. 282-283. № 272; ГИМ. Воскр. № 7. Л. 79-79 об.; Столярова Л.В. 2000. 330. № 317.

⁸⁰ ГИМ. Син. № 932. Л. 39 об.; Столярова Л.В. 2000. 269. № 249.

⁸¹ РНБ. Ф. п. IV. 2. Л. 92 об.; Столярова Л.В. 2000. 318. № 308.

дорогостоящего заказа. Тонкий, белый, с трудно различимыми мясной и волосяной сторонами листа, он значительно отличается от грубого, сероватого, неэластичного, жесткого, с большим числом штопанных и зияющих дыр и следами волосков животного пергамена нероскошных кодексов. Такими, весьма заурядными с точки зрения искусства книги, были, например, «книги Лазоревы» – крупный комплекс литургических кодексов, изготовленный на рубеже XI – XII вв. в скриптории новгородского Лазарева монастыря. Пергамен этих рукописей, скорее всего, был местной выделки.

Дыры в пергамене обычно образовывались вследствие некачественной растяжки шкуры и в тех местах, которые имели повреждения (язвы, шрамы, незажившие следы от укуса насекомых) на коже животного, полученные еще при его жизни. Отверстия в пергамене обычно зашивались белой ниткой или заклеивались заплатой, вырезанной по их форме. Иногда края дыр соединялись крошечными узкими полосками пергамена. С одного края дыры стягивающие ее полосы продергивались в специально сделанные отверстия и затем приклеивались свободным концом у ее другого края. Для письма нероскошных кодексов вследствие дороговизны пергамена могли использоваться лоскуты, образовавшиеся при обрезании шкуры и подлежавшие выбраковке при изготовлении роскошных рукописей («книги Лазоревы»⁸²).

В отечественной историографии не разработаны способы визуального различения разновидностей пергамена в зависимости от видовой и возрастной принадлежности животного, шкура которого пошла на его изготовление. Однако в западноевропейской историографии дифференцируются пергамен как таковой (для изготовления которого служила шкура взрослого животного), и его разновидность – велень (*vélin*) – особо тонкий пергамен из телячьей шкуры, а также из шкуры абортированных ягнят и телят (в XIII в. во Франции он имено-

⁸² Подробнее см.: *Столярова Л.В.* 1998. 210-213.

вался «veeslin»). Искусство изготовления веленя предусматривало получение столь тонкого писчего материала, что он был полупрозрачным и имел плохо различимые мясную и волосную стороны (на таком написаны Остромирово евангелие и Изборник Святослава).

Как известно, на изготовление одного пергаменного листа (folium) уходила шкура одного животного. Формат рукописи зависел не только от числа сложений листа in-plano, но и от исходного размера шкуры, предназначенной для кроя. Считается, что размер шкуры молочного теленка составляет 500 x 700 мм⁸³ (3500 см²). Однако шкура могла быть значительно большего и значительно меньшего размера в зависимости от породы и возраста животного, кожа которого использовалась для изготовления пергамена⁸⁴. Кроме того, чтобы избежать

⁸³ Gaborit-Chopin D. 1969. 212-213; Киселева Л.И. 1985. 18. Б.В.Сапунов приводит иные данные, говоря о том, что «...выход товарной кожи из шкуры молочного теленка колеблется от 60 до 80 дм²....». Справедливо полагая, что «отходы при таком раскрое должны достигать 25-35%», Сапунов допускает использование 45-60 дм² (4500-6000 см². – Л.С.) кожи под крой для изготовления пергаменного листа (см.: Сапунов Б.В. 1978. 97). Однако эти данные представляются нам завышенными.

⁸⁴ Как известно, европейские пергаменарики выделяли воловью, коровью, телячью, баранью, козлиную, овечью или свиную кожу, но никогда не изготавливали пергамен из шкуры ослов. В средневековой Европе наиболее тонким и нежным пергаменом считался тот, который получали из шкурки кролика или белки. Но еще лучшими качествами отличался пергамен, произведенный из шкур абортированных телят и ягнят. Такой пергамен был особенно дорогим и именовался «девичьей кожей». Белый пергамен получался из шкуры обескровленных телят, ягнят и коз. Шкуры необескровленных животных сохраняли желтоватый оттенок (см.: Киселева Л.И. О чем рассказывают средневековые рукописи (рукописная книга в Западной Европе). Л., 1978. С. 16-18; Она же. «Книга сокровищ» Брунетто Латини: Петербургский список XIV в. (РНБ, Fr. F. v.III, 4) // ВИД. СПб., 2002. Вып. XXVIII. С. 119, примеч. 23; Она же. Латинские рукописи XIII века (Описание рукопи-

лишних отходов при крое драгоценного пергаменного листа, необходимо было подбирать шкуры оптимального размера. Так, чтобы получить кодекс форматом 175 [основание] x 215 [высота] мм ($376,3 \text{ см}^2$), необходимы шкуры животных, размер которых не должен быть меньше, но и не слишком превышает 360 x 440 мм (1584 см^2). Иными словами, нужны шкуры такого размера, который допускал бы образование из листа *in-plano* четырех листов форматом 4⁰ (с учетом того, что при крое выбраковывалось примерно 25-35% кожи). При этом стандартная восьмиллистная тетрадь образовывалась в результате наложения один на один двух листов *in-duo*, сложенных дважды по ширине, а затем разрезанных. Например, производство Захариинского паремейника 1271 г.⁸⁵ потребовало не менее 73 шкур животных размером с овцу⁸⁶ ($1584 : 376,3 = 4,2$ [т.е. исходный размер шкуры предполагает формирование четырех листов форматом 175 x 215 мм]; $290 : 4 = 72,5$).

Предположим, что на Захариинский паремейник пошла телячья кожа. В этом случае крой требовал двух сложений листа *in-plano* по высоте и двух по ширине (т.е. когда сложение и последующее разрезание листов предполагало образование цельной восьмиллистной тетради форматом 4⁰). На изготовление кодекса объемом в 290 листов и форматом 175 x 215 мм (т.е. такого, как Захариинский паремейник) потребовалось бы 36 телячьих шкур размером 500 x 700 мм ($3500 : 376,3 = 9,2$ [т.е. исходный размер шкуры допускал крой даже не 8, а 9,2

сей Российской национальной библиотеки). СПб., 2005. С. 41-42; Искусство западноевропейской рукописной книги V-XVI вв. СПб., 2005. С. 36).

⁸⁵ РНБ. Q.п.I.13.

⁸⁶ Исследования химической и генетической структуры листов древнерусских пергаменных рукописей, проведенные в конце 1990-х годов в ходе реставрации ряда кодексов, не дали результата для достоверной идентификации породы животного, шкура которого пошла на изготовление пергамента.

листов, что было необходимо с учетом запаса выбраковывавшегося материала]).

Если восьмилистная тетрадь образовывалась из одного листа *in-plano*, его сложение предусматривало соблюдение выведенного Э. Рендом «правила 1»⁸⁷, когда стороны пергаменного листа формировались в тетрадь следующим образом: *BC-MC-MC-BC-BC-MC-MC-BC-|BC-MC-MC-BC-BC-MC-MC-BC-*. Поскольку в Захариинском паремейнике «правило 1» (*MC-MC, BC-BC*) выдержано непоследовательно, следует думать, что восьмилистные тетради этого кодекса формировались в результате соединения, сложенных дважды по ширине двух листов *in-plano*, произведенных из шкуры животного размером с овцу. Иными словами, сначала дважды по ширине складывался один лист *in-plano*, затем он накладывался на другой дважды сложенный по ширине лист *in-plano*, после чего положенные один на один листы разрезались, образуя вместе восьмилистную тетрадь. В такой тетради способ формирования листов был смешанным, то есть допускал следующее сочетание: *MC-BC-BC-MC-BC-MC-MC-BC-|BC-MC-MC-BC-MC-BC-BC-MC-*.

⁸⁷ Очевидные различия между лицевой (*verso*) и оборотной (*recto*) сторонами листа позволили определять не только мясную (*flesh-said, FS*) и волосяную (*hair-said, HS*) стороны листа, но и вывести «правило 1» для способов сложения листов в тетради. Согласно Рэнду, листы для каждой тетради линовались заранее, обычно разом по четыре развернутых двойных листа. После формирования в тетрадь листы должны были располагаться внутри нее таким образом, чтобы *FS* была обращена к *FS*, а *HS* к *HS*. Иными словами, листы подбирались таким образом, чтобы развернутая рукопись справа и слева имела одинаковый по виду пергамен, гладкая и светлая *FS* находилась бы не напротив более шершавой и темной *HS*, а напротив такой же *FS*. Выведенное правило Рэнд записал в формуле *FS-FS, HS-HS* (см.: *Rand E.K.* 1927. 52-78). Далее для удобства мясную сторону листа мы будем обозначать кириллическими буквами *MC*, а волосяную – литерами *BC*.

О том, каких колоссальных материальных затрат требовало изготовление кодекса, можно судить, установив минимальное число шкур, из которых был выделан пергамен ряда сохранившихся рукописей. На переписку Остромирова евангелия ушло не менее 147 шкур, Изборника Святослава – 133, Мстиславова евангелия – 107, Пантелеймонова евангелия – 118, Добрилова евангелия – 68, Жития Нифонта 1219 г. – 88, Толкового апостола 1220 г. – 120, Евангелия учительного Константина Болгарского – 132, Слов Ипполита Римского об Антихристе – 64, Богословия Иоанна Дамаскина – 105, Троицкого кондакаря – 58, Университетского евангелия – 120, Архангельского евангелия – 131, Спасского евангелия – 66, Рязанской кормчей – 201, Климентьевской кормчей – 324 шкуры. На производство только сохранившихся рукописей, гипотетически относимых исследователями к остаткам «библиотеки» ростовского епископа Кирилла I, ушло не менее 676 шкур⁸⁸.

Согласно Русской Правде Краткой редакции, стоимость коровы определялась в 40 резан, коровы-трехлетки («третьях») – 15 кун, коровы-двухлетки («лоньщина») – полгривны, теленка («теля») – 5 резан, ягненка («яря») – ногата⁸⁹. Пространная редакция Русской Правды устанавливает цену за корову в 40 кун, трехлетнюю корову – 30 кун, лоньщину – полгривны, теленка – 5 кун, свинью – 5 кун, поросенка и барана – ногату, овцу – 5 кун⁹⁰. Изменение в стоимости скота в Пространной Правде по сравнению с Краткой произошло вследствие падения вдвое стоимости куны, поэтому резаны Краткой Правды заменились кунами⁹¹. Стадо из 676 взрослых коров, согласно Русской Правде, стоило 540,8 гривен, телят – 67,6 гривен. Выведенный нами порядок цен на живой скот отнюдь не соответствует реальной стоимости пергамена, потребовавше-

⁸⁸ Столярова Л.В. 2006. 348-382.

⁸⁹ ПРП 1952. 59. Ст. 28.

⁹⁰ ПРП 1952. 112. Ст. 45.

⁹¹ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. 1975. 39, 41, 61-63.

гося для изготовления кодексов Кирилла I. Мы не располагаем источниками о стоимости работ пергаменариев, не знаем, шкуры каких именно животных использовались, и к тому же можем только предполагать, что пергамен ростовских кодексов был не местной выделки, а привозной. Однако полученные данные неоспоримо свидетельствуют об исключительных финансовых возможностях ростовской епископской кафедры в первой четверти XIII в., что подтверждается данными Лаврентьевской летописи⁹².

Древнерусские пергаменные кодексы состоят из сшитых вместе тетрадей, образованных из четырех согнутых вдвойне, а затем разрезанных листов (quaternion). В готовых тетрадах насчитывается, таким образом, 8 листов или 16 страниц. Впрочем, известны тетради в 10 и 6 листов. Бельгийский палеограф Л. Жиллиссен показал, что писцы латинских средневековых кодексов в ряде случаев вписывали текст в сложенные, но неразрезанные листы⁹³. Однако ни одна древнерусская рукопись, которая была бы переписана в неразрезанных тетрадах, нам не известна. Считается, что писцы писали в разлинованных тетрадах, имевших специальные буквенные сигнатуры, позволявшие избежать путаницы при переплетении. Предварительным наколам и разлиновке подвергались одновременно два наложенных один на другой развернутых листа (четыре сложенных листа или полтетради). Вероятно, один писец держал на коленях не более двух двойных листов, не сшитых вместе. Не случайно многие древнерусские кодексы в качестве палеографической границы имеют тетрадь или половину тетради. Нередко конец тетради не имеет текста, т.к. следующую тетрадь открывает новый почерк.

⁹² Епископ Кирилл I «...так бе богатъ всем, такъ ни единъ епископъ бывъ в Суждальстеи области...» (ПСРЛ. Т. 1, вып. 1. Стб. 452).

⁹³ *Gilissen L.* 1972. 22-26; *Gilissen L.* 1977. 114-121.

5. Техника письма книг

По наблюдениям А.М. Френда, византийские миниатюры с изображениями евангелистов иконографически восходят к античным скульптурным портретам поэтов и философов⁹⁴. Будучи в целом принадлежностью традиционной христианской иконографии, древнерусские миниатюры XI – XIV вв. с изображением пишущих «авторов», тем не менее, позволяют выявить специфику техники письма книг в Древней Руси. Подобно ранне-средневековым изображениям писцов в латинских и греческих кодексах, персонажи древнерусских миниатюр пишут в длинных античного вида свитках, в уже переплетенных кодексах, тетрадах, а также свитках, напоминающих короткие средневековые грамоты. На миниатюрах латинских кодексов конца VIII – XI вв. изображались два основных вида опоры для пергаменной тетради: при письме она находится либо на *проспере* (*prospera*) – доске, которую сидящий писец подпирает коленями, либо тетрадь в момент письма положена на наклонную поверхность *пюпитра*. На византийской книжной миниатюре X – XIII вв. имеются изображения трех видов опоры: доски, находящейся на коленях писца, *пюпитра* для письма, а также колена, свободного от каких бы то ни было приспособлений, которым тетрадь могла удерживаться снизу.

Практически на всех древнерусских миниатюрах XI – XIV вв. в качестве единственной опоры для писчего материала фигурирует колено писца. Исключения составляют миниатюра «Иоанн и Прохор» Федоровского евангелия конца XIV – начала XV в., на которой Прохор пишет в полуоткрытом кодексе, лежащем на столе. В полуоткрытой тетради, установленной на красной *проспере* (?), пишет евангелист Матфей Переславского евангелия около 1389 – 1425 гг. Существуют изображения, в которых материал для письма как бы вовсе лишен опоры, а писцы держат пергамен на весу, придерживая

⁹⁴ Friend A.M. 1927. 115-147.

его сверху, снизу или посередине левой рукой. Миниатюры, изображающие процесс письма на весу, отражают иконографическую традицию «демонстрации текста», которая сформировалась еще в каролингскую эпоху⁹⁵.

По наблюдениям А. Мартена, иллюминаторам латинских кодексов XII – XIV вв. было свойственно изображать писца пишущим на горизонтальной поверхности доски с опорой на колено и смотрящим на пюпитр с установленным на нем переписываемым текстом⁹⁶. Свиток или кодекс, лежащий на пюпитре и служащий образцом для вновь переписываемой рукописи, имеется едва ли не на всех изображениях акта письма древнерусских миниатюр XI – XIV вв. Однако практика письма на пюпитре на Руси в отличие от Западной Европы и Византии, скорее всего, не прижилась. Видимо, здесь использовались только пюпитры для чтения (аналои). Ни одного пюпитра для письма на древнерусских миниатюрах XI – XIV вв. нет. Любопытно, что незнание древнерусских писцов и иллюминаторов с проспектами и пюпитрами для письма вылилось в попытки изображать под тетрадами и особенно свитками (точнее – обозначать их иным цветом, как правило – красным или коричневым) неясные предметы, не поддающиеся идентификации.

Пюпитры для чтения древнерусских миниатюр изображались установленными на столы или тумбы с горизонтальным верхом. Форма их столешниц различна: прямоугольная, почти квадратная, круглая или овальная. На их поверхности в разнообразии представлен инструмент писца: перо или калам, циркули, линейка, нож, пемза, кувшинчик с чернилами, несколько чернильниц. Столы и тумбы, вероятно, были очень низкими: их столешницы почти всегда расположены на уровне колен писца. Такими же низкими и сравнительно широкими изображались столы и тумбы на миниатюрах византийских кодексов IX – XV вв. Миниатюристы латинских средневеко-

⁹⁵ См.: *Мажуга В.И.* 1979. 276.

⁹⁶ *Martin H.* 1910. 540.

вых рукописей, напротив, изображали столы и тумбы узкими и высокими. Пюпитров для чтения на них нет.

Аналоги древнерусских миниатюр имеют чуть наклонные прямоугольные столешницы, установленные на одной ножке и расположенные таким образом, чтобы демонстрировать текст закрепленных на них свитков и кодексов зрителю. Однако иконографический мотив демонстрации евангельского текста, столь типичный для средневековых латинских и византийских миниатюр, в Древней Руси совершенно утратил свое значение: никакого текста на кодексах и свитках в подавляющем большинстве изображений XI – XV вв. нет. Видимо, древнерусские миниатюристы лишь слепо копировали доступные им византийские образцы, не задумываясь об их смысле.

Письмо с опорой на колено, систематически изображаемое древнерусскими миниатюристами, могло быть технически осуществимым только при письме в предварительно скрепленных тетрадах, положенных друг на друга стопкой. Это предположение как будто подтверждается традицией изображать писцов, оставляющими тетрадь полураскрытой во время работы. Полностью развернутую (на 90⁰) тетрадь невозможно удержать во время письма на коленях, особенно если ее листы большого формата. Впрочем, изображения полусогнутых тетрадей в латинских кодексах конца VIII – XIV вв. могли отражать свойственную пергамену упругость, когда однажды согнутые листы тетрадей трудно было выровнять на сгибе, а чтобы они не слишком выгибались, приходилось оставлять тетрадь в полусогнутом виде. Писцы византийских и латинских кодексов конца VIII – XI вв. практиковали предварительное крепление еще несшитых тетрадей при помощи ленты или специальной подвески.

Орудия для письма на средневековых миниатюрах изображались условно. Калам (трость, *kálamos*, *calamus*, *arundo*) имеет вид прямой палочки, тогда как птичье перо (*penne avis*) серповидно изогнуто. Птичье перо впервые появилось в иконографии ирландских Евангелий VIII – IX вв. в изображениях евангелиста Иоанна.

Остальные евангелисты вплоть до XI в. «писали» каламом, хотя в реальной практике тростниковое перо было заменено птичьим уже в IX в.⁹⁷

Считается, что калам для письма текстов в Древней Руси не употреблялся. Впрочем, И.А. Шляпкин (1913) высказывал предположение, что древнерусские уставные тексты могли быть написаны тростниковым пером с тупым расщепом⁹⁸. Как дань иконографической традиции калам изображен в руке Прохора и евангелиста Марка на миниатюрах Остромирова евангелия. Две трости лежат на столешнице тумбы перед евангелистом Матфеем Мстиславова евангелия. Тростью пишет евангелист Лука Добрилова евангелия. Выраженное изображение пера находим на миниатюрах Спасского евангелия начала XIII в., Хлудовской псалтири, а также на миниатюре «Евангелист Лука» Евангелия Третьяковской галереи. Во всех перечисленных случаях орудия для письма имеют выраженную серповидную форму, отличающую их от прямых палочек-каламов.

Все изображения пера в древнерусских миниатюрах вплоть до конца XVI – XVII вв. демонстрируют его лишенным опахала, что, очевидно, отражало реальную практику письма. С конца XVI в. перо в руках пишущих «авторов» приобретает иной вид: оно сохраняет пышное и не срезанное опахало (см., например: ГИМ. Увар. № 77. Л. I; Евангелие тетр, XVI в.; ГИМ. Увар. № 22-8⁰. Л. 26 об.; Псалтирь, конец XVI в.; ГИМ. Муз. № 3441. Л. 237 об.; Евангелие тетр, 1603 г.).

Никаких изображений хараксала (караксы, карамсы, *charaxaxe*, *caraxaxe*) – специального приспособления типа трафарета для разлиновки целой тетради – в древнерусских источниках нет. Этот инструмент упоминается только в записях на югославянском «Требнике Верковича» XIV в.: «Богъ да прости... ковача Ранка, кои ми

⁹⁷ Подробнее см.: *Столярова Л.В.* 1999. 33-35, 58-60, 65, 156, примеч. 101.

⁹⁸ *Шляпкин И.А.* 1913. 95-96.

скова шильце и хараксало». В подавляющем большинстве древнерусских кодексов XI – XIV вв. «кадр» (то есть, внутреннее пространство писчего поля, ограниченное с четырех сторон линиями разлиновки⁹⁹) имеет разные размеры на разных листах кодекса. Следовательно, при разлиновке писцы пользовались приспособлением типа карамсы лишь в исключительных случаях. Вероятно, карамса использовалась линовальщиками Остромирова евангелия, Изборника Святослава 1073 г. и некоторых других роскошных кодексов, размер «кадра» которых стабилен от листа к листу.

Разлиновка без карамсы предполагает использование линейки, пунктория (punctorium) и какого-то заостренного предмета для нанесения линий на пергамен. Изображений линейки, встречающихся на миниатюрах XII – XIII в., в древнерусских источниках XIV в., нет. В качестве пунктория (инструмента для нанесения разметочных точек) могли употребляться обычные циркули, во множестве изображенные на древнерусских книжных миниатюрах. Акт разлиновки представлен на окладе 1392 г. Евангелия Кошки изображением евангелиста Матфея, разлиновывающего лицевую сторону первого листа сложной тетради. Эта композиция весьма условна: разлиновка осуществляется правой рукой евангелиста без помощи левой, то есть пергамен никак не придерживается. Орудием разлиновки Матфею служит небольшой кривой нож. Схожий кривой же нож видим в руках Луки, изображенного на пластине в левом нижнем углу оклада того же Евангелия. Лука очиняет ножом перо. Тип евангелиста, очиняющего перо, получил распространение в христианской иконографии примерно с 870 г.¹⁰⁰

Древнерусские миниатюры демонстрируют два типа чернильниц, установленных перед пишущим «автором»: для непосредственного письма и для хранения чернил. Чернильницы второго типа чаще изображаются сто-

⁹⁹ Пользуемся терминологией С.М.Каштанова.

¹⁰⁰ Мажуга В.И. 1979. 271-272.

ящими на внутренних полках тумбы, реже – на поверхности столов и тумб. Наиболее распространенная форма таких чернильниц – в виде воронкообразных кувшинчиков с узким горлом и круглой крышкой. На миниатюре «Евангелист Матфей» Мстиславова евангелия изображены две чернильницы в виде кувшинчиков. Оба заполнены чернилами примерно наполовину. «Прозрачность» этих чернильниц позволяет предположить, то они могли быть изготовлены из стекла. На древнерусских миниатюрах XIV в. встречаются чернильницы-роги. Они либо прикреплены снизу к столешнице поюпитров для чтения, либо висят на гвозде, вбитом в колонну перед поюпитром. Как правило, в них находятся перья. Чернильница в форме рога, вставленного в отверстие на краю проспекы справа от писца, изображалась на миниатюрах латинских кодексов с конца VIII в. Со второй половины X в. чернильница-рог, укрепленная в правом верхнем углу поюпитра для письма, становится обычной деталью иконографии писцов средневековых латинских рукописей. На миниатюрах византийских кодексов по крайней мере с XI в. чернильница в виде рога изображалась прикрепленной к ножке поюпитра для чтения.

Пишущие евангелисты в подавляющем большинстве древнерусских миниатюр изображены сидящими на высоких резных скамьях без спинок, на которые положены специальные подушки в форме валика. Исключение составляют миниатюры Евангелия Третьяковской галереи конца XII – начала XIII в. (ГТГ. К-5348): евангелисты изображены здесь сидящими на высоких орнаментированных седалищах с подлокотниками, форма которых напоминает массивные кресла. Представляет интерес, что византийская книжная миниатюра с XI в. демонстрирует евангелистов сидящими не только на скамьях, но и на высоких стульях с высокой спинкой и прямыми или перекрещенными ножками.

Некоторые приемы работы древнерусских писцов остаются неясными ни по письменным, ни по изобразительным источникам. Отсутствие прямых литературных

свидетельств не позволяет установить, применялось ли в реальной практике книгописания письмо с голоса (*dictat*). Однако конкретные наблюдения над памятниками письменности, в частности записями писцов, дают некоторые основания предположить, что письмо под диктовку в ряде случаев могло иметь место¹⁰¹.

6. Книжные собрания

Вопрос о существовании библиотечных собраний в России до XVI – XVII вв. спорен. Н.Н. Розов (1981) полагал, что древнерусские библиотеки появились только в XV в., начав формироваться с конца XIV столетия. Для предшествующего периода истории русской книги Розов настаивал на употреблении понятия «богослужebные книжные наборы»¹⁰². Оно было предложено М.И. Слуховским (1973) для обозначения литургических книг, необходимых каждой духовной корпорации для отправления церковного культа¹⁰³. Под «библиотекой» Слуховский, а вслед за ним и Розов, понимали не всякое книжное собрание, а лишь «собрание книг, предназначенное для чтения»¹⁰⁴. И богослужebные книжные наборы, и первые библиотечные собрания Руси связаны с церковью¹⁰⁵. Частные библиотеки начали формироваться в России, по-видимому, не ранее XVI в. и особенно распространились лишь с конца XVII – начала XVIII в.

Согласно реконструкции древнейшего книжного фонда Руси, предложенной Б.В. Сапуновым (1978), в XI

¹⁰¹ *Каиштанов С.М., Столярова Л.В.* 2004. Вып. 4. 278.

¹⁰² *Розов Н.Н.* 1981. 107-108; ср. с точкой зрения Б.В. Сапунова, считавшего, что «книжные собрания Древней Руси (монастырские, церковные и частные) были не беднее, чем библиотеки Западной Европы», но не смогшего привести ни одного реального факта в пользу этого положения (*Сапунов Б.В.* 1978. 160; см. также С. 110-162).

¹⁰³ *Слуховский М.И.* 1973. 5.

¹⁰⁴ *Слуховский М.И.* 1968. 45, 46.

¹⁰⁵ *Слуховский М.И.* 1973. С. 5.

– XIII вв. приходской и домовою церквами использовалось для богослужения не менее восьми книг: Евангелие и Апостол апракос, Триоди постная и цветная, Минея общая, Псалтирь с возследованием, Служебник и Требник¹⁰⁶. Однако еще Н.В.Волков (1897) допускал, что в древнерусской церкви в XI – XIV вв. могло находиться одно лишь Евангелие апракос¹⁰⁷. Таким образом, по Волкову, допустимым книжным минимумом приходской церкви мог быть всего один экземпляр Евангелия. Напомним, что Е.Е. Голубинский (1901) считал вероятным для XI – XIII вв. и полное отсутствие какого бы то ни было книжного набора в приходской церкви. Он полагал, что в период становления и утверждения христианства на Руси нельзя исключать вероятность осуществления службы священником наизусть по памяти, без использования книг¹⁰⁸. Об этом как будто свидетельствуют и обнаруженные в культурном слое Новгорода X – XIII вв. тексты берестяных грамот богослужебного характера¹⁰⁹.

Как бы ни определять книжный набор древнерусской церкви, можно думать, что он был скорее минимальным. Будучи принадлежностью церковного культа и обладая определенными обрядовыми функциями, подобные «наборы» в основном имели сугубо прикладное культовое значение¹¹⁰. Наряду с богослужебной литературой в «наборы» могли входить сочинения отцов церкви, произведения агиографии, сборники памятников канонического права и др. Однако такие расширенные «наборы», состав которых зачастую был случайным, а составляющие их экземпляры вряд ли хранились вне алтаря в каких-то специальных помещениях, можно считать не более чем ранним прототипом библиотечных собраний Руси.

¹⁰⁶ Сапунов Б.В. 1978. 77.

¹⁰⁷ Волков Н.В. 1897. 18.

¹⁰⁸ Голубинский Е.Е. 1901. Т. 1, ч. 1. 474–481.

¹⁰⁹ Зализняк А.А. 1995. Б 107, № 727. С. 379, Б. 108. № 462, 452. С. 381, В 42. № 419. С. 429–430, Г 77. № 128.

¹¹⁰ Слуховский М.И. 1968. 44–47.

Уже в XI – XII вв. крупные монастыри и соборы Древней Руси помимо необходимых храмовых богослужебных наборов обладали более обширными собраниями книг. Такие собрания, по-видимому, были в Киевском Софийском соборе и в Киево-Печерском монастыре. Так, в ПВЛ в известной статье 6545 (1037) г. содержатся сведения о том, что Ярослав Мудрый «положи в святей Софьи церкви, юже созда самъ», книги, изготовленные по его заказу¹¹¹. Весьма отрывочные данные содержат источники о собрании книг Киево-Печерского монастыря. Так же, как ничего неясно о составе книг киевской Софии, нет никаких конкретных данных о книгах, входивших в «библиотеку» этого монастыря. Все сведения об этом скрываются за обобщением «книгы многы» или просто «книгы». Однако даже весьма туманные и отрывочные известия источников позволяют предположить, что в Печерском монастыре имелись книги, не предназначавшиеся для храмового богослужения. Так, «неспанием по вся нощи» из-за любви к чтению отличался ученик Феодосия Печерского иеромонах Дамиан¹¹².

О том, как пополнялся книжный фонд Киево-Печерского монастыря, источники в основном умалчивают. Наиболее вероятно, что это были традиционные для Древней Руси изготовления вкладных книг по заказу, а также дарения частными лицами прежде сложившихся у них комплексов книг. В «Сказании о начале Печерского монастыря», помещенном в ПВЛ под 6559 (1051) г. отмечается, что Феодосий Печерский переписал у чернеца Михаила, прибывшего в Киев с митрополитом Георгием, греческий Студийский устав, и ввел его в своей обители («...и обреть оу него, и списа, и оустави въ манастири своемъ»)¹¹³. Это дает основание предположить существование в Древней Руси практики пере-

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 1, вып. 1. С. 152, 153.

¹¹² Выписки из подлинного жития преподобного Феодосия. 1856. Кн. 2, вып. 2. 190.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 1, вып. 1. Стб. 160.

писывания книг для внутреннего пользования грамотной частью монастырского и церковного клира. В отличие от сведений о церковных вкладах, которыми изобилуют записи писцов и летописные статьи, известия о дарении комплексов книг в источниках почти всегда отсутствуют. Тем ценнее уникальное известие Киево-Печерского патерика о пожертвовании черниговским кн. Николой Святошей имевшихся у него книг¹¹⁴. Однако насколько значительным было число этих книг, сколько экземпляров (единицы? десятки?) составляли подобные дарственные комплексы и каковы они были по своему содержанию – неясно.

Внимание к «книгам многим» нарративных источников связано не только с культовой ценностью книг, но и с их реальной стоимостью (дороговизной пергамента и драгоценных окладов). Дотошное описание в ряде летописных статей вкладных икон, золотых и серебряных сосудов, книг, украшенных камнями и окованных серебром и золотом, с окладами, щедро унизанными жемчугом, оставляет впечатление перечня прежде всего материальных ценностей, передаваемых церкви, и только потом – ценностей духовных и культовых.

Наряду с упоминавшимися выше известиями о деятельности владимири-волинского кн. Владимира Васильковича в качестве вкладчика в летописном некрологе ему, сохранилось несколько летописных свидетельств, касающихся неизвестных «книг» Древней Руси, предназначенных для вклада. Так, знаменитая новгородская церковь Иоанна Предтечи на Опоках была «Еуангелиемъ многоценнымъ, и всеми книгами исполнь» стараниями в. кн. Всеволода-Гавриила Мстиславича¹¹⁵. Владимирский кн. Константин Всеволодович прославился тем, что «многы

¹¹⁴ Киево-Печерський патерик. 1991. С. 114.

¹¹⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 558. Впрочем, вопрос о датировке Устава в. кн. Всеволода, в котором помещено это свидетельство, временем ранее XIII в. спорен.

церкви созда по своей власти... исполняя книгами и всякими украшениями»¹¹⁶. Если считать достоверными приведенные сведения, то можно думать, что и эти «книги» представляли собой элементы все тех же традиционных богослужебных книжных наборов.

Нет оснований считать частной и так называемую «библиотеку» ростовского епископа Кирилла I, изъятую по княжескому суду 1229 г.¹¹⁷ По-видимому, под «книгами» этого владыки следует понимать богослужебный книжный набор кафедрального ростовского Успенского собора¹¹⁸, которым Кирилл I владел как глава ростовской епархии. Смещение его с кафедры было равнозначно изъятию из его ведения имуществ ростовской церковной организации («кун, сел и товара»), в том числе – епископской библиотеки¹¹⁹.

Особый интерес представляют известия записи Изборника 1076 г. о «многих книгах княжих», интерпретируемое некоторыми исследователями как свидетельство существования в XI в. библиотеки великих киевских князей¹²⁰. Любостью к чтению книг кроме киевского в. кн. Святослава Ярославича отличались галицкий кн. Ярослав Осмомысл, киевский в. кн. Роман Ростиславич, владимирский кн. Константин Всеволодович и др.¹²¹ В своем «Поучении...» Владимир Мономах говорит о значении гадания с использованием Псалтири для преодоления жизненных тягот: «...вземь Псалтырю, в печали

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 1, вып. 2. Стб. 443.

¹¹⁷ Там же. Стб. 452.

¹¹⁸ Специальной исследовательской проблемой являются попытки реконструкции “библиотеки” Кирилла I, начатые еще А.И.Соболевским (1889) и продолженные сегодня Г.И.Вздорновым, О.А.Князевской, В.С.Голышенко, а также автором этих строк; подробнее об этом см.: *Столярова Л.В.* 1998. 222-225.

¹¹⁹ Подробнее см.: *Столярова Л.В.* 1998. 230-233; *Столярова Л.В.* 2000. 108-113. № 99.

¹²⁰ *Сапунов Б.В.* 1978. 145.

¹²¹ Подробнее см.: *Слуховский М.И.* 1968. 52-53.

разгнухъ я, и то ми ся выня»¹²². Однако нет никаких данных о том, что представляли собой эти княжеские книги с точки зрения их формы. Выходные записи XI – XIV вв., содержавшие сведения об изготовлении пергаменных кодексов на заказ, никогда не называют их заказчиков владельцами (их книги предназначались для последующего вклада). Кроме того, древнейшие пергаменные кодексы Руси за редчайшими исключениями были весьма объемистыми, крупноформатными (как правило, в 1⁰) и тяжелыми, не слишком приспособленными для использования без специальных пюпитров (аналоев). Трудно представить себе древнерусских князей, более привыкших к боевому мечу, читающими такие книги «часто в нощи и въ дне»¹²³.

Новгородская деревянная Псалтирь, весьма вероятно, предназначалась не для богослужения в храме¹²⁴. Массовые находки в культурном слое Новгорода писал (свыше 200 экземпляров¹²⁵), а также 12-ти цер (правда, либо лишенных текста, либо с фрагментами азбуки) не оставляют сомнения в том, что Древней Руси была известна эта широко употреблявшаяся в Византии и средневековой Европе¹²⁶ форма рукописного кодекса. Это тем более очевидно, что для письма по бересте одна из сторон писала (стилоса) – закругленная тупая – была бесполезной. Однако именно она, предназначавшаяся для стирания написанного, была совершенно необходима для создания навощенных деревянных кодексов. Не являлись ли церы удобной и компактной формой «книг княжих»? Они могли содержать самые разные и достаточно короткие тексты, которыми можно было пользоваться практически в любое время, легко перемещать для изготовления копий с них и даже носить при себе.

¹²² ПСРЛ. Т. 1, вып. 1. Стб. 241.

¹²³ Там же. Стб. 151-152.

¹²⁴ Зализняк А.А., Янин В.Л. 2001. 158, 161-163.

¹²⁵ Овчинникова Б.Б., 2000. 45-105.

¹²⁶ Добиаши-Рождественская О.А. 1987. 26-29.

В целом книжные собрания Древней Руси (в том числе и расширенные богослужебные наборы) были весьма скудными. Судить об их составе можно весьма приблизительно: описи церковного и монастырского имущества, в том числе рукописей и печатных книг, появились в России только в XVI – XVII вв.¹²⁷ Однако из этих описей ясно, что даже к середине XVI в. книжные собрания России не достигали того количества томов, которое принадлежало крупнейшим монастырям и частным библиотекам Европы уже в XIII – XIV вв. (более 1000 экземпляров книг)¹²⁸. Так, согласно описям монастырского имущества, библиотека Иосифо-Волоколамского монастыря в 1545 г. насчитывала 755 книг; в 1573 г. – около 1150 книг; в 1591 г. – 964 книги (из них 952 рукописные)¹²⁹. Библиотека Соловецкого монастыря состояла в 1514 г. из 127 книг; в 1549 г. – из 281 книги; в 1570 г. – из 329 книг; в 1597 г. – из 481 книги. Еще меньшим было библиотечное собрание Антониево-Сийского монастыря, насчитывавшее в 1556 г. – 66, а в 1597 г. – 168 томов¹³⁰.

Таким образом, начальный этап в истории древнерусского книгопроизводства тесно связан с особенностями городской культуры. Будучи сосредоточено в церквях и монастырях и обеспечивая в первую очередь культовые потребности общества, книжное производство XI – XIV вв. было в основном ориентировано на переписывание богослужебных и богословских рукописей. В отличие от западноевропейской и византийской книжных культур, воспринявших традиции античной литературы и философии, а потому привычных к разным жанрам, предназначенным для чтения и далеко не

¹²⁷ Кукушкина М.В. 1999. С. 96-100.

¹²⁸ См., например: Романова В.Л. 1975. 48, 54-55.

¹²⁹ Кукушкина М.В. 1977. 125-176, особенно 169-171. Табл. 10; 172-173. Табл. 11; 174-176. Табл. 12; Кукушкина М.В. 1999. 99-100.

¹³⁰ Кукушкина М.В. 1999. 97-98.

всегда связанным с отправлением богослужения (лирика, эпос, драма), книжная культура Руси была в основном культовой. 95% сохранившихся кодексов XI – XIV вв. по своему содержанию являлись памятниками богослужебной, святоотеческой, житийной и церковно-юридической литературы. Книжный фонд Древней Руси в XI – XIII вв. только формировался. Вместе с ним создавались и первые книжные собрания, по крайней мере, до конца XIV – начала XV в. оставшиеся (за редким исключением) минимальными богослужебными наборами. Сохранившиеся источники позволяют считать, что организация книгопроизводства в Древней Руси в XI – XIV вв. значительно отличалась от процесса изготовления книг в Византии и средневековой Европе в это время. Процесс изготовления книг на Руси в XI – XIV вв. типологически сопоставим с книгопроизводством во Франкском государстве VII – VIII вв.¹³¹

Список сокращений

ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы

СР – Средневековая Русь

Сов. археология – Советская археология

ПВЛ – Повесть временных лет

Столярова. Свод. – *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV вв. М., 2000.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины

Увар. – Собрание рукописей А.С.Уварова, ГИМ

ГИМ – Государственный исторический музей, Отдел рукописей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека, Отдел рукописей

БНБ – Российская национальная библиотека, Отдел рукописей

Погод. – Собрание рукописей М.П.Погодина, РНБ

¹³¹ Наши данные совпадают с наблюдениями С.М.Каштанова о хронологическом разрыве между появлением актов на земле у франков и на Руси. – см.: *Каштанов С.М.* 2001. 162-168; *Столярова Л.В.* 2003. 366-378.

Воскр. – Собрание рукописей Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, ГИМ
Син. – Собрание рукописей Синодальной (б. Патриаршей) библиотеки, ГИМ
ПРП – Памятники русского права
Троицк. – Собрание рукописей Троице-Сергиевой лавры, РГБ
IJSLP - International Journal of Slavic Linguistics and Poetics
св. – святой (святая)
кн. – князь
в. кн. – великий князь
кнг. – княгиня

Литература

- Бобров А.Г.*, 2001. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб. С. 9-10.
- Волков Н.В.*, 1897. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI-XIV вв. и их указатель. СПб.
- Выписки из подлинного жития преподобного Феодосия. 1856. // Уч. зап. Второго отделения АН. СПб. Кн. 2, вып. 2.
- ГВНП. М.; Л., 1949.
- Голубинский Е.Е.*, 1901. История русской церкви. М. Т. 1, ч. 1.
- Дмитриева Р.П.* 1968. Светская литература в составе монастырских библиотек XV-XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ. Л. Т. 23. С. 143-170
- Дмитриева Р.П.* 1974. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л. Т. 28. С. 202-230
- Закон Судный людем Краткой редакции. 1961. / Подгот. к печати М.Н.Тихомиров и Л.В.Милов. М., 1961. С. 7-26
- Зализняк А.А.* 2004. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 году // Вестник РГНФ. № 3. С. 176-178.
- Зализняк А.А.*, 1995. Древненовгородский диалект. М.
- Зализняк А.А., Янин В.Л.* 2001. Новгородская псалтирь начала XI в. – древнейшая книга Руси (Новгород, 2000) // Вестник РГНФ. № 1. С. 153-164.
- Искусство западноевропейской рукописной книги V-XVI вв., 2005. СПб.
- Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.*, 1975. Русская метрология. М.
- Карский Е.Ф.*, 1979. Славянская кирилловская палеография. М.

- Каишанов С.М.* 1999. Жалованные акты на Руси XII – XIV вв. // СР. / Отв. ред. А.А.Горский. М., Вып. 2. С. 21-45.
- Каишанов С.М.* 2001. К теории сравнительного источниковедения // Норна у источника судьбы. Сб. статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М.
- Каишанов С.М.*, 1996. Из истории русского средневекового источника: Акты X-XVI вв. М.
- Каишанов С.М., Столярова Л.В.* 2004. Древнейшее московское евангелие и его двинской адресат // СР. / Отв. ред. А.А.Горский. М. Вып. 4. С. 222-231.
- Киселева Л.И.*, 2005. Латинские рукописи XIII века (Описание рукописей Российской национальной библиотеки). СПб.
- Киселева Л.И.* 1978. О чем рассказывают средневековые рукописи (рукописная книга в Западной Европе). Л.
- Киселева Л.И.* 1985. Западноевропейская книга XIV-XV вв.: Кодикологический и книговедческий аспекты. Л.
- Киселева Л.И.* 2002. «Книга сокровищ» Брунетто Латини: Петербургский список XIV в. (РНБ, Фг. Ф. v.III, 4) // ВИД. СПб. Вып. XXVIII. С. 119, примеч. 23;
- Клосс Б.М.* 1998. Предисловие к изданию 1998 г. // ПСРЛ. Т. 2. С. Е.
- Кукушкина М.В.*, 1977. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI-XVII веков. Л.
- Кукушкина М.В.*, 1999. Книга в России в XVI веке. СПб.
- Мажуга В.И.* 1979. Изображение писцов в искусстве раннего средневековья (конец VIII – XI в.) // ВИД. Л. Вып. 11.
- Овчинникова Б.Б.* 2000. Писала-стилосы древнего Новгорода X-XV вв.: Свод археологического источника // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь. Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург. С. 45-105
- Повесть временных лет. 1950. / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л. Ч.1.
- Поппэ А.В.* 1985. “Ис курилоѣ” и “ис куриловиѣ” // IJSLP. Vol. 31-32. P. 319-350.
- ПРП: Памятники права Киевского государства X-XII вв. / Сост. А.А.Зимин. М., 1952. Вып. 1.
- ПСРЛ. 1997. М. Т. 1: Лаврентьевская летопись, вып. 1: Повесть временных лет.
- ПСРЛ. 1962. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.
- ПСРЛ. 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.
- Розов Н.Н.* 1981. Книга в России в XV в. Л.

- Романова В.Л.* 1975. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XII-XIV вв. М.,
- Сапунов Б.В.* 1978. Книга в России в XI-XIII вв. Л.
- Симони П.К.* 1906. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном строении: Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV-XVIII столетий. СПб., Вып. 1: Тексты и переводы.
- Слуховский М.И.* 1968. Библиотечное дело в России до XVIII века: Из истории книжного просвещения. М.
- Слуховский М.И.* 1973. Русская библиотека XVI-XVII вв. М.
- Столярова Л.В.* 1998. Древнерусские надписи XI-XIV вв. на пергаменных кодексах. М.
- Столярова Л.В.* 1999. Кто был заказчиком "Пантелеймонова" евангелия? // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т.Пашуто / Отв. ред. Е.А.Мельникова. М. С. 245-251
- Столярова Л.В.* 1999а. Из истории книжной культуры русского средневекового города. XI-XVII вв. М.
- Столярова Л.В.* 2000. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов. М.
- Столярова Л.В.* 2002. К истории создания «Пантелеймонова евангелия» XII в. // Исторические записки. М. С. 108–128.
- Столярова Л.В.* 2003. Заказчики древнерусских кодексов XI-XIV вв. Ч. 1: Заказчики XI в., упомянутые в записях на книгах // Древнейшие государства восточной Европы. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М. С. 286-293.
- Столярова Л.В.* 2003а. Рукописная книга в Древней Руси и во Франции в XI - XIV вв.: Сравнительный аспект // От древней Руси к России нового времени. Сб. статей к 70-летию А.Л.Хорошкевич / Отв. ред. В.Л.Янин. М. С. 366-378
- Столярова Л.В.* 2004. Заказчики древнерусских кодексов XI-XIV вв. Ч. 2: Заказчики XII в., упомянутые в записях на книгах // Древнейшие государства восточной Европы. 2002 год: генеалогия как форма исторической памяти. М. С. 236-258.
- Столярова Л.В.* 2005. Заказчики древнерусских кодексов XI-XIV вв. Ч. 3: Заказчики XIII в., упомянутые в записях на книгах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. М. С. 353-423.
- Столярова Л.В.* 2006. Заказчики древнерусских кодексов XI-XIV вв. Ч. 3: Заказчики XIII в., упомянутые в записях на кни-

гах (продолжение) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год. М. 348-382

Тихомиров М.Н. 1941. Исследование о Русской Правде. М.; Л.

Тихомиров М.Н., 1968. Русская культура X–XVIII вв. М.

Шляпкин И.А. 1913. Русская палеография. По лекциям, изданным в Санкт-Петербургском археологическом институте. СПб. 95-96.

Шорин П.А. 1964. Анонимные печати новгородских архиепископов // Сов. археология. № 3. С. 256-267.

Щапов Я.Н. 1974. К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII–XIV вв. // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М. С. 183-184;

Щапов Я.Н. 1978. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.

Янин В.Л. 1963. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М. С. 118-127.

Янин В.Л. 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 2.

Янин В.Л. 1978. О дате новгородской синодальной Кормчей // Древняя Русь и славяне. М. С. 287-292.

Янин В.Л. 2002. Как устроен «вечевой строй»: Становление новгородской государственности // Родина: Российский исторический иллюстрированный журнал: Древняя Русь. IX – XIII вв. С. 70-79.

Янин В.Л. 2004. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.

Friend A.M. 1927. Portraits of the evangelists in Greek and Latin manuscripts. P.I // Art Studies.. 5. P.115-147

Gaborit-Chopin D. 1969. La décoration des manuscrits à Saint-Martial de Limoges et en Limousin du IXe au XIIe siècle. Paris; Genève

Garrigou G. 1984. Naissance et splendeurs du manuscrit monastique (du VIIe au XIIe siècle). Paris.

Gilissen L. 1972. La composition des cahiers. Le pliage du parchemin et l'imposition // Scriptorium. XXVI. P. 22-26

Gilissen L. 1977. Prolégomènes à la codicologie. Gand, P. 114-121

Rand E.K. 1927. How many leaves at a time? // Palaeographia Latina. Oxford. P. 52-78

Vezin J. 1996. Les scriptoria de Neustrie, 650-850 // La Naustrie: Les paus au nord de la Loire de 650 à 850. Colloque historique international. 2. P. 307-334.